

Моим родителям

ГЛАВА 1,

в которой я, по случаю празднования Ту бе-ава¹,
делаю первый шаг к своей гибели

По прошествии времени я попытался объяснить ребе Морицу, что такого смешного в том, что мое страшное преступление спасло всю нашу общину. Он ничего не понял — то ли слишком рассвирепел, то ли голова у него была занята другими мыслями, то ли у него вообще нет чувства юмора.

¹ Ту бе-ав (пятнадцатый день месяца ава; по нашему календарю приходится на июль-август) — еврейский праздник, действительно имеющий довольно сложный смысл и происхождение; в современной традиции он отмечается лишь в немногих общинах и считается днем радости и любви.

Сразу отметим, что по всему тексту еврейские слова — вне зависимости от их происхождения, из древнееврейского, иврита или идиша, — даны так, как они произносятся на языке восточноевропейских евреев идише (а не на иврите), потому что так их произносят американские ортодоксы. Например, вместо более привычного нам «шаббат» они говорят «шабес». — *Здесь и далее прим. перев.*

Теперь-то мне не до смеха: из-за этой истории я лишился будущего, попал в реанимацию, непоправимо испортил репутацию и себе, и всему своему семейству. Но тогда казалось — забавно.

Началось все в Ту бе-ав, один из самых малопонятных еврейских праздников. Я — из ортодоксов¹, но даже я толком не помню, что там за история. Вспомнил, только когда выглянул в окно и увидел девушку в белом. Она шла по тротуару на противоположной стороне улицы.

Сам я был на занятии по галахе² — учил еврейский закон. Обсуждали мы ритуальное омовение рук. Ребе³ Мориц ходил туда-сюда перед доской, читал выдержки из «Шулхан-арух»⁴, время от времени что-то писал на доске по-английски или по-древнееврейски.

Я иногда отвлекался, потому что рядом со мной Мойше-Цви Гутман чавкал овсяными хлопьями, а еще иногда отвле-

¹ В иудаизме существует много течений, отличающихся друг от друга степенью строгости соблюдения религиозных законов и следования им в быту. Ортодоксы считаются приверженцами самой древней ветви иудаизма, большое внимание у них уделяется религиозному воспитанию детей и внушению им «правильного» представления о еврейском образе жизни.

² Галаха — совокупность законов, которые определяют, как еврей должен вести себя в семейной, религиозной и общинной жизни, то есть правил поведения в обществе.

³ Ребе — уважительное обращение к духовному лицу, прежде всего к религиозному наставнику.

⁴ «Шулхан-арух» («Накрытый стол») — книга, написанная в XVI веке раввином Йосефом Каро, в которой изложено, как именно еврей должен в реальной жизни исполнять религиозные установления.

кался, потому что Эфраим Резников читал «Шулхан-арух» по своей книжке, но у них с ребе Морицем выходило вразнобой. Но сильнее всего меня отвлекали попытки вспомнить, чему же посвящен праздник Ту бе-ав.

Спросить лучшего друга Мойше-Цви я не мог — он бы стал надо мной смеяться из-за моего невежества. Мойше-Цви учится очень старательно, и, если ты не дотягиваешь до него в знаниях, он тут же дает тебе понять, какой ты шмук¹. Поэтому я просто уставился в окно — мол, ответ можно найти где-то там, на улице. И нашел.

Потому что девушка вдруг начала танцевать, поводить руками, покачивать телом.

Тут я и вспомнил, что Ту бе-ав как-то связан с танцующими девушками и виноградом — в библейские времена урожай винограда был довольно важной штукой. Пока убирали виноград, все незамужние девушки из Иерусалима отправлялись на виноградники и танцевали там, одетые в простые белые платица. А поскольку все девушки были в простых белых платицах, юношам было не разобрать, богатая это девушка или бедная и даже какого она роду-племени. Воцарялось эдакое всеобщее равенство, и юноша мог выбрать себе жену, не думая о том, бедна ли она и не происходит ли из какого-нибудь нехорошего рода, соперничающего с его родом.

¹ Шмук — слово из идиша, означающее тупого, бестолкового, неприятного человека.

На девушке за окном не было белого платья, у нас все-таки двадцать первый век. На ней была белая футболка, из-под коротких рукавов выглядывали худенькие руки. Футболка доходила до шортиков, почти полностью открывавших ее ноги. Ноги кончались белыми адидасовскими кроссовками с голубой полоской.

Она танцевала. Почему она танцевала? Рядом на тротуаре не было никого, кроме белой собачки. Я подумал: странное поведение, но кто их знает, нееврейских девушек, может, они все время танцуют для своих собак. Я без понятия. Мне вообще не положено глядеть на нееврейских девушек. Наверное, бывают и еврейские девушки, которые так одеваются, но я ни с одной такой не знаком. Да если она и еврейская девушка, одетая таким образом, мне все равно не позволено на нее смотреть.

А потом она перестала танцевать, подошла к стволу дерева, нагнулась, подняла мобильный телефон. Она что, снимала свой танец на видео? Девушка выпрямилась, огляделась, поймала мой взгляд. Ну или мне так показалось. Трудно сказать на таком расстоянии, но, когда она посмотрела на меня — или на нашу школу, — я рефлекторно отвел глаза, уставился на доску и на ребе Морица. Трудно представить себе больший контраст, чем между ребе и девушкой. Он был в плотном черном костюме, с огромной бородой. Кроме того, когда Мориц говорил, он плевался. На верхней губе у него блестели капельки слюны.

— Почему, согласно тексту, мы должны, вставая по утрам, омыwać руки? — спросил ребе. — Почему, прежде чем пройти четыре локтя¹, мы должны совершить омовение?

Рувен тут же зачастил:

— Ночью у злых духов появляется возможность войти в наше тело. Вот мы их и смываем — духов.

— Великолепно. Как сказал Рувен, ночью мы уязвимы, — продолжал Мориц, причем голос его нарастал до самого «уязвимы», а потом пауза — и голос пошел вниз, — не только для злых духов, но и для чего еще? — Опять нарастание, вместо вопросительного знака — тонкий писк. — Для чего еще?

Опять Рувен:

— Приходят духи, и, по одному из прочтений, души наши уходят, да?

— Верно. Души уходят через руки. Когда мы совершаем омовение и произносим молитву «Мойде-анье»², души наши возвращаются, и мы готовы служить Хашему³.

У Морица все речи заканчиваются одинаково — служением Богу.

¹ Примерно два метра.

² «Мойде-анье» («Возношу благодарность») — короткая утренняя молитва, благодарение Богу за то, что он утром возвратил спящему душу; произносится по пробуждении.

³ Хашем («Имя») — в иудаизме — одно из обозначений Бога. Поскольку имя Всевышнего произносить запрещено, вместо него используются всевозможные «замещающие» слова.

— А если надеть перчатки? — поинтересовался Мойше-Цви. Он еще не доел свои хлопья, но тут сделал паузу и помаhal пластмассовой ложкой, забрызгав стол каплями молока. — В смысле когда спишь. Потом все равно нужно мыть руки?

Ребе Мориц перестал ходить.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Я бы ответил, основываясь на тексте, что, если на тебе перчатки, душа останется в теле. Хотя, разумеется, спать в перчатках непрактично.

— Ясно, — сказал Мойше-Цви, почесывая голый подбородок. — Ну а если в перчатках будет дырочка? Какого душа размера? И она умеет... пролезать?

— Мне кажется, вопрос не в том, какого размера дырочка в перчатках, а в том, знает ли тот, кто надел перчатки, о ее существовании, — ответил ребе Мориц.

Вечная история. В иудаизме есть законы почти на любой случай: как закалывать животных, как смотреть телевизор, не нарушая при этом шабес (нашу Субботу, день отдыха), когда и как долго воздерживаться от пищи в дни поста (у нас их много). Но фишка в том, что следовать законам обязательно только в том случае, если вы про них знаете. Если вы еврей, но сами почему-то не в курсе, вы вообще не обязаны соблюдать эти законы. Ну это, типа, как пойти в «Уолмарт» и стащить кучу всякого барахла, потом приходит полицейский и хочет вас арестовать, а вы такой: «Стоп-стоп, я понятия не имел, что эти вещи нельзя брать, не заплатив», — а полицейский на это:

«А, ну ладно, простите, пожалуйста. Хорошего дня. Смотрите свой краденый телик».

У меня тоже был к ребе вопрос, но я так увлекся происходившим за окном, что вопрос куда-то ускользнул. Как и девушка — была и нет.

— А если дырка довольно большая? — не отставал Мойше-Цви. — Такая большая, что вы не сможете потом отрицать, что знали про нее? Ну, например, так повернули руку, что вам дырку не видно, но вы ее все равно чувствуете.

— Тогда омовение необходимо.

Ребе Мориц снова взял книгу и собирался перевернуть страницу, но Мойше-Цви все не унимался.

— А если, допустим, Худи спит в перчатках, знает, что там дырка, а потом я как тресну его по голове тяжелым куском арматуры — и он из-за травмы головы забудет про дыру в перчатке?

Ребе Мориц призадумался, несколько раз медленно, размеренно кивнул.

— Все зависит от того, в каком состоянии рассудка он пробудится ото сна. Пошли дальше?

— Нет, — сказал Мойше-Цви. — Мы еще не поговорили о том, можно ли спать в перчатках без пальцев.

— Ой, Мой-ши-и-ик.

Мориц поехал дальше. Заговорил про собственно омовение, как его делать правильно. Я не слушал — отчасти потому, что, если не знать, как правильно, можно делать по-своему.

Но в основном не слушал я потому, что совсем отвлекся, глядел в окно, высматривал эту праздничную девушку в белом. Она исчезла, и я начал сомневаться, видел ли ее вообще. Может, она просто плод моего воображения, физическое воплощение моих мыслей о Ту бе-аве, образ девушки, танцующей в платье на сборе винограда, сложившийся у меня в голове.

Нужно было это выяснить.

Я встал из-за стола. Мойше-Цви, когда я проходил мимо, вручил мне пластмассовую миску из-под хлопьев. Я вышел, допивая сладковатое молоко. Выбросил миску в урну у входа, надел свою черную шляпу.

Когда я иду погулять, то всегда стараюсь надеть пиджак и шляпу. Чтобы выглядеть солидно и почтенно. «Респектабельно», как говорит мой папа.

Лето еще не кончилось, на улице пахло скошенной травой. Вдалеке жужжала косилка. Деревья, растущие вдоль улицы, покачивались под приятным ветерком.

Обычно я хожу медленно, задумавшись. Не обращаю внимания, ни где нахожусь, ни куда направляюсь. Но сегодня я двигался целеустремленно, систематично осматривал все перекрестки, бросал хотя бы один взгляд на каждую улицу.

Увидел я ее на Целлан. Она дергала за поводок, тащила за собой собачку, но та учуяла что-то интересное у ствола дерева и рыла землю, согнув лапы, сопротивляясь.

Я медленно двинулся к девушке, с каждым шагом нервничая все сильнее. Я ни разу еще не говорил ни с одной из живу-

щих по соседству девушек. Студентам иешивы¹ не разрешается говорить с девушками, а уж тем более с девушками в такой одежде. Я, собственно, и не хотел с ней говорить. Но что-то меня заставляло. Меня к ней тянуло, как будто я попал в какой-то намагниченный луч из научной фантастики.

Нынче Ту бе-ав. Она в белом. Может, именно этого от меня и хочет Бог.

Она занималась собакой и не заметила, как я подошел. Я попытался придумать умную фразу, чтобы начать разговор.

— Э-э... — сказал я.

Взвесив множество равнозначных вариантов, я решил, что «э-э» подходит лучше всего.

— Ой! — Она подняла голову.

Собака воспользовалась возможностью, рванула к дереву и принялась шумно его обнюхивать. Пока девушка меня разглядывала, собака успела описать ствол.

Вид у девушки был такой, будто у меня восемь голов.

— Классная шляпа, — наконец сказала она.

¹ Иешива — еврейская религиозная школа для мальчиков. Первой ступенью обучения для мальчиков является хедер, куда отправляют в пять лет. По достижении совершеннолетия мальчики поступают в иешиву, где обучение делится на несколько уровней (Худи пока на первом); в современной американской иешиве преподают и светские предметы, но, как мы увидим дальше, не слишком охотно и глубоко. Главное — в подробностях ознакомить учащихся с еврейскими священными текстами, их толкованиями и традицией. Их хорошее знание делает молодого человека «достойным» членом общины, готовым, в частности, к вступлению в брак. После окончания высшего уровня иешивы (например, Иешива-университета) выпускник становится раввином.

Глаза у нее были темно-карие, иссиня-черные волосы связаны в тугий хвост.

— Спасибо, — ответил я. — Это борсалино.

Шляпа — самое ценное мое имущество, подарок родителей на бар-мицву¹. Девушка не ответила, и я поведал ей, что шляпа итальянская.

— Ясно, — сказала она.

Я неловко переступил с ноги на ногу. Успел вспотеть. Ветерок стих, жара стояла страшная — в этом, наверное, все дело.

Мне хотелось сбежать. Было видно, что и ей хочется тоже. Когда собака потянула за поводок, у девушки на лице появилось облегчение, она сделала шаг в сторону.

— А как зовут собаку? — спросил я. Вообще-то не собирался. Собирался промолчать. Пусть себе идет — а я тихомирно проживу всю оставшуюся жизнь без таких вот неловких ощущений. Но все-таки я заговорил, почти против воли.

— Борнео, — ответила она. — Ну, как остров.

Я про Борнео никогда не слышал, но решил не подавать виду.

— А, ну да, — сказал я. — Остров. Типа... в океане. — Острова ведь обычно там, верно? В океане. — А как тебя зовут? — Вырвалось само, я не успел удержать.

¹ Бар-мицва (буквально «Сын заповеди») — церемония вступления в статус взрослого мужчины, которую мальчик проходит по достижении религиозного совершеннолетия (в 13 лет). После этого он, а не его родители, считается ответственным за все свои поступки и за соблюдение еврейского закона. Бар-мицва — большой праздник в семье, на котором герой получает много подарков.

— Анна-Мари. — Фамилию она тоже назвала, Диаз-что-то-там, но я не расслышал.

— Блин, — сказал я. Что-то слова совсем перестали мне подчиняться.

— Чего? — не поняла она.

Спрашивая ее имя, я надеялся втайне, что она Хая или Эстер. Так ведь нет. Она Анна-Мари. Просто Анна — еще можно было бы на что-то надеяться. Я уже понял по шортам, что она не больно религиозная и уж явно не фрум¹ — не как я. Анна без дефиса еще худо-бедно могла быть еврейкой, пусть и светской. Тут поблизости живут кое-какие светские евреи. В соседнем городке есть реформистская синагога и гастрономия.

Но Анна-Мари? Самое что ни на есть гойское² имя.

Когда Анна-Мари дернула локтем и потянула за поводок, над воротом футболки мелькнул крестик. Прыгнул туда-сюда на серебряной цепочке прямо между ключицами. Я смотрел в полном отчаянии.

Она явно опять решила уйти.

— Я Худи, — сказал я.

— Худи?

¹ Фрум — «набожный». Так называют людей, строго придерживающихся традиционных еврейских установлений и ведущих полномасштабную религиозную жизнь.

² Гой (гойка) — слово, обозначающее нееврея. Имеет легкий отрицательный оттенок, но скорее в смысле «не наш человек». Куда более отрицательное — шейгец (шикса), о чем речь будет ниже.

— Типа, как свитер. — Я сделал движение, будто накидываю на голову капюшон.

Анна-Мари протянула мне руку для пожатия. Я посмотрел. Пальцы тонкие, ногти аккуратно выкрашены в аквамариновый цвет. Аквамарин. Анна-Мари. Страшно хотелось пожать аквамариновую руку Анны-Мари. Я оглянулся — не видит ли кто. Никого. И все равно не смог. Бар-мицва позади, мы с ней не женаты, дотрагиваться до нее нельзя. Так и тарачился на ее руку, пока она ее не убрала.

— Ладно, Худи, нам с Борнео пора.

— А ты тут неподалеку живешь? — спросил я.

— Нет. Я, типа, на такси сюда езжу с собакой погулять.

Я рассмеялся, напряжение слегка спало.

— Дурацкий вопрос, — сказал я. — Приятно было познакомиться, Анна-Мари.

Она сделала шаг, потом оглянулась и вытащила телефон.

— Кстати, у тебя какой ник в Инсте? Подпишусь.

Я знал, что она имеет в виду Инстаграм¹ — приложение для фотографий, которое устанавливают на смартфоны. Мне им пользоваться не разрешалось, но я не хотел об этом говорить. Полез в карман, достал свой телефон.

Увидев его, Анна-Мари прямо засияла. Улыбка озарила все ее лицо. Потом раздался смех.

¹ Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

— У тебя «раскладушка»? — удивилась она. — Так, постой. Минутку. Я должна это сфоткать. Кассиди вообще не поверит.

Я улыбнулся в камеру — приятно, что Анна-Мари мной заинтересовалась. Потому что и я ею заинтересовался. Ее ногтями. Улыбкой во все лицо.

— Прелесть какая.

То есть я прелесть. Я улыбнулся. Она, по-моему, тоже прелесть.

— Я про телефон, — уточнила она. То есть не про меня. — Маленький-то какой. Прямо игрушечный. Знаешь, — Анна-Мари продолжала смеяться, — у моей бабули тоже такой. Вам бы с ней познакомиться. Будете посылать друг другу одинаковые эсэмэски и читать книжки с огромными буквами. — Она уже прямо изнемогала от смеха. — Или сходите поужинать в четыре часа дня, читаете меню сквозь лупу и, типа, поговорите про вязание крючком.

Я сообразил, что надо мной смеются. Вроде положено расстроиться. Но у меня не вышло. Я с радостью потусуюсь с ее бабулей. С удовольствием схожу с ней поужинать — если, понятное дело, в кошерный¹ ресторан. Подтяну свои познания в вязании, чтобы с честью поддержать разговор.

¹ Кошерная пища — пища, приготовленная в соответствии с кашрутом, сводом еврейских установлений, касающихся еды. Религиозному еврею строго запрещается есть некошерную пищу, а религиозная еврейка должна уметь вести кошерное хозяйство (например, использовать разную посуду для мясного и молочного); в еврейских домах употребляют только кошерные продукты (поэтому в общине обязательно должен быть свой магазин).

Будем надеяться, что Анна-Мари тоже придет, — пусть дразнит меня сколько хочет, я буду только потеть во всех своих одеждах.

— Супер, — сказал я. — Попроси ее мне позвонить.

Но Анна-Мари только помахала на прощание. Я смотрел, как Борнео тащит ее по тротуару. Она повернула на Рид-Лейн, скрылась за углом.

— Иехуда.

Я поднял голову и увидел ребе Морица. Обычно если кто из нас уходит погулять во время уроков, значит, ему нужно что-то обдумать или осмыслить. Если он долго не возвращается, ребе идет следом проверить, все ли хорошо, не нужно ли ученику что-то обсудить. Я, похоже, здорово подзадержался.

— А, ребе. Очень интересное дерево, согласны? Чуть ли не лучшее дерево во всей округе.

— С тобой все в порядке, Иехуда?

— Да нормально у меня все.

— У тебя что-то на уме? — спросил Мориц.

На уме у меня была только одна вещь, поэтому я промолчал.

— А я думал, Мойше-Цви шутит, когда говорит, что дал тебе по голове.

— Вы знаете, где находится Борнео, ребе? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— В океане, — поведал я ему. — Это остров. Острова вообще в океане.

— Идем в школу, — сказал ребе Мориц. — Пора на молитву. По пути расскажешь мне про лучшие деревья в округе.

Я повернулся и зашагал с ним рядом.

В классе мы прочитали минху¹, дневную молитву. Я пошел в бейс-медреш², сел рядом с Мойше-Цви. Он, как всегда, молился сосредоточеннее всех, наклонялся, выпрямлялся, кончики его бело-голубых цицес³ плясали на поясе, молитвенник он прижимал к носу.

А я с трудом произносил молитвы. Попытался сосредоточиться на «Алейну»⁴ — прославлении Господа — и едва не забыл поклониться. И уж совсем забыл плюнуть, хотя обычно мы с Мойше-Цви всегда плевались одновременно.

Плюемся мы понарошку, потому что на полу в бейс-медреше лежит ковер. Нужно только издать соответствующий звук, такое «тьф-фу», прижав язык к передним зубам. Смысл в том, что мы протестуем против давления христиан на еврейскую молитву и отплевываемся между произнесением отдельных строк. В старых синагогах стояли специальные плевательницы — это было классно, потому что

¹ Минха («дар, приношение») — полуденная молитва.

² Бейс-медреш (буквально — «дом учения») — помещение для изучения Торы и для молитвы, расположенное либо при синагоге, либо при иешиве. От собственно иешивы отличается тем, что сюда для изучения Торы может прийти любой мужчина.

³ Цицес — у взрослого мужчины вокруг пояса постоянно обернуто молитвенное покрывало, талес, которое накидывают на плечи во время молитвы; к четырем углам талеса привязаны шнурки с кисточками, цицес, напоминающие о заповедях.

⁴ Алейну («Нам надлежит») — молитва, которую читают по окончании каждой службы.

«плевательница» — отличное слово, а еще потому, что плевательницы стоило бы поставить повсюду.

Мойше-Цви несколько раз плевался по-настоящему, на пол к его ногам шлепались большие жирные плевки. Ему за это не влетело. За молитвенное рвение не влетает. Можешь на Песах принести в жертву козу, и раввины, стоя по колено в крови и глядя, как коза перед смертью сучит ногами, скажут:

— Мальчик предан своей вере.

А перестал Мойше-Цви плеваться не потому, что плевки нужно за собой убирать. Передумал он, когда соседи стали плевать ему на ботинки. Официально он это оправдал так:

— Если мы отплеываемся, дабы умерить тщеславие неверующего, это можно оправдать, но если речь идет только о протесте против средневекового преследования, значит, все это основано на светской традиции, а не на еврейском законе, в каком-то случае переход к простой пантомиме вполне приемлем. Насколько я помню, ребе Исмар Эльбоген говорил...

— Дело точно не в том, что Рувен харкнул тебе на ботинки? — уточнил я у него.

— Совершенно точно.

— Прямо вот безусловно?

— А что в мире безусловно, Худи?

Когда минха завершилась, я повесил шляпу на свой крючок и вышел из бейс-медреша на солнышко. Нужно было возвращаться в главное здание на уроки, но я точно знал, что сегодня больше уже ничего не выучу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru